

Спор о древних и новых

История эстетики в памятниках и документах

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
С73

С73 Спор о древних и новых: История эстетики в памятниках и документах / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 472 с.

ISBN 978-5-458-23662-1

В сборнике публикуются эстетические работы Перро, Фонтенеля, Буало, Расина, Лафонтена, Лабрюйера, Ла Мота, А. Дасье, Фенелона, связанные со «Спором о древних и новых», разгоревшимся во Франции на рубеже XVII и XVIII веков, по вопросу об отношении к античному наследию. Большинство материалов на русском языке публикуется впервые. Составление и вступительная статья В.Я. Бахмутского

ISBN 978-5-458-23662-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Я. Бахмутский НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ <i>7</i>	
ШАРЛЬ ПЕРРО ВЕК ЛЮДОВИКА ВЕЛИКОГО <i>41</i>	
ГЕНЕЙ <i>54</i>	
ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ДРЕВНИМИ И НОВЫМИ В ОТНОШЕНИИ ИСКУССТВ И НАУК <i>Диалог первый</i> <i>59</i>	
ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ДРЕВНИМИ И НОВЫМИ В ОТНОШЕНИИ АРХИТЕКТУРЫ, СКУЛЬПТУРЫ И ЖИВОПИСИ <i>Диалог второй</i> <i>94</i>	
ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ ДРЕВНИМИ И НОВЫМИ В ОТНОШЕНИИ ПОЭЗИИ <i>Диалог четвертый</i> <i>142</i>	
БЕРНАР ФОНТЕНЕЛЬ ДИАЛОГИ МЕРТВЫХ – ДРЕВНИХ И НОВЫХ <i>246</i>	
СВОБОДНОЕ РАССУЖДЕНИЕ О ДРЕВНИХ И НОВЫХ <i>250</i>	
НИКОЛА БУАЛО РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОДЕ <i>265</i>	
КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ МЕСТАХ ИЗ СОЧИНЕНИЙ РИТОРА ЛОНГИНА <i>268</i>	
ЭПИГРАММЫ <i>314</i>	
ПИСЬМО К Г-НУ ПЕРРО, ЧЛЕНУ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ <i>Перевод Э. Л. Линецкой</i> <i>315</i>	
ЖАН РАСИН К БУАЛО <i>323</i>	

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН	
ПОСЛАНИЕ К ЮЭ	
325	
ЖАН ДЕ ЛАБРЮЙЕР	
СЛОВО О ТЕОФРАСТЕ	
327	
ХАРАКТЕРЫ (ОТРЫВКИ)	
<i>Перевод Ю. Корнеева и Э. Линецкой</i>	
АНТУАН УДАР ДЕ ЛА МОТ	
К КОРОЛЮ	
334	
СЛОВО О ГОМЕРЕ	
335	
АННА ДАСЬЕ	
О ПРИЧИНАХ ИСПОРЧЕННОСТИ ВКУСА	
379	
ФРАНСУА ФЕНЕЛОН	
ПИСЬМО О ЗАНЯТИЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ	
406	
ИЗ ПИСЕМ К ЛА МОТУ	
418	
КОММЕНТАРИЙ	
423	
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	
462	

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ВЕКОВ

Длившийся более четверти века «Спор о древних и новых» охватывает всю вторую половину царствования Людовика XIV, когда абсолютистская система вступила в полосу глубокого кризиса. Неудачная внешняя политика, разорительные войны, безудержная роскошь верхов приводят Францию к настоящему банкротству (к началу восьмидесятых годов XVII века государственный долг в шестнадцать раз превышал годовой бюджет страны). Вводимые королевской властью налоги окончательно разоряют крестьянство. Строгая регламентация, обеспечивавшая в эпоху Кольбера развитие промышленности, теперь становится тормозом и только усугубляет общий кризис. После смерти Кольбера (1683) Людовик XIV переходит к открыто реакционной политике. За отменой Нантского эдикта (1685) последовали религиозные гонения на гугенотов и янсенистов, вызвавшие осуждение всех честных людей страны. Все это сказывается на духовной жизни Франции. Оппозиционные настроения охватывают самые разные слои общества. Ведущее художественное течение века – классицизм переживает кризис, его важнейшие жанры – трагедия, комедия, сатира – приходят в упадок. Но закат века Короля-Солнца явился и предрассветным часом новой культуры – культуры XVIII столетия.

Одним из главных событий духовной жизни Франции этого времени был «Спор о древних и новых» – рубеж, отделяющий семнадцатый век от восемнадцатого, и одновременно мост, их связующий. История развития европейской культуры нам обычно представляется не континуально, а дискретно: Ренессанс, классицизм, Просвещение, романтизм и т. п. Это и неудивительно. Прежде чем появится тот или иной яркий культурный феномен, должно возникнуть «силовое поле» новой культуры, но процесс его формирования обычно ускользает от нашего взора. «Спор о древних и новых» в этом отношении представляет особый интерес. В нем можно уловить то, что обычно уловить

бывает труднее всего, — как формируется «силовое поле» новой культуры, культуры XVIII столетия. «Спор о древних и новых» освещает не только будущее, но и прошлое: в нем выявились такие стороны эстетики классицизма, которые оставались до поры до времени незамеченными или недостаточно оцененными.

Главный предмет «Спора...» — отношение к античному наследию — был краеугольным камнем истории художественной мысли от Ренессанса до Великой французской революции. На протяжении этого периода искусство претерпело существенную эволюцию, и на каждом большом ее этапе (Ренессанс, барокко, классицизм, Просвещение) по-новому осмыслилась и переосмыслилась античность — она служила европейской культуре своеобразным зеркалом, посредством которого она стремилась понять, осознать саму себя. «...Несомненно, — писал К. Маркс, — что три единства, в том виде, в каком их теоретически конструировали французские драматурги при Людовике XIV, основываются на неправильном понимании греческой драмы (и Аристотеля как ее истолкователя). Но, с другой стороны, столь же несомненно, что они понимали греков именно так, как это соответствовало потребности их собственного искусства, и потому долго еще придерживались этой так называемой «классической» драмы после того, как Дасье и другие правильно разъяснили им Аристотеля»*

Все это непосредственно касается и «Спора о древних и новых». За разным отношением к античному искусству скрывалось разное понимание «древними» и «новыми» потребности их собственного искусства. И поэтому неудивительно, что вопрос об отношении к античности оказался неразрывно связанным с широким кругом философско-эстетических проблем — прогресса в искусстве, традиции и новаторства, мимесиса, взаимоотношения интуитивного и рационального в процессе художественного творчества, содержания и формы, вкуса и т. п. Эти проблемы и по сей день не утратили своего живого звучания и продолжают волновать современную эстетическую мысль.

]

Началом «Спора о древних и новых» можно считать 27 января 1687 года, когда на заседании Французской академии Шарль Перро прочел написанную им по случаю благополучного выздоровления короля поэму «Век Людовика Великого». Сравнивая век Августа с веком Людовика, Перро отдает предпочтение последнему. Не только в науке и философии, но и в красноречии, поэзии, живописи, архитектуре, скульптуре, музыке, утверждает он, французы ни в чем не уступают

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 30, с. 504—505.

грекам и римлянам, а во многих отношениях даже превосходят их, и лишь «пеленою предубежденья» можно объяснить, что произведения древних все еще рассматривают как образец совершенства. В этой поэме уже заключен тот круг идей, которые будут затем подробно развиты Перро в его «Параллели между древними и новыми».

Присутствовавший на заседании Академии Буало был крайне возмущен поэмой Перро. Он хотел прервать ее чтение, и сидевшему рядом епископу Юэ с трудом удалось его утихомирить, а когда чтение было закончено, в гневе воскликнул: «Это позор для Академии! Ей нужна новая эмблема — стадо обезьян, которое смотрит на свое отражение в источнике, с надписью: «*Sibi pulchri*» («Красивы для самих себя»)»*.

Ближайшие друзья Буало и его единомышленники Расин и Лафонтен отнеслись к «Веку Людовика Великого» куда более спокойно. Правда, на следующий день Лафонтен отправил Юэ в подарок том Квинтилиана, сопроводив его стихотворным посланием, в котором о поэме Перро отзывался так:

«Красивые слова, но лишь слова. Поныне
Им отвечающих творений нет в помине.
И те, кто к древним взор не хочет вознести,
Ища других путей, сбивается с пути» (325)**.

Но в дальнейшем Лафонтен в полемике не участвовал. Не участвовал в ней и Расин, хотя и не скрывал своего отрицательного отношения к идеям Перро: он издевательски отзывался о его поэме как об остроумной шутке, забавной игре ума. Перро ему ответил, что в ближайшее время постарается доказать всю серьезность заключенных в ней идей. Именно тогда, как рассказывает он в своих «Мемуарах», у него и родилась мысль изложить их не стихами, а прозой.

В поддержку Перро выступил Фонтенель. В 1688 году он опубликовал «Пасторали», сопроводив их «Рассуждением об эклоге», в котором вслед за Перро подверг критике античность — Феокрита и Вергилия. «Я надеюсь, — писал он, — что меня одобрят тем легче, что поэма г-на Перро привлекла к этому вопросу широкое внимание. Поскольку он готовит более обширное и основательное сочинение на эту тему, я коснусь ее лишь слегка. Я достаточно уважаю древних, чтобы оказать им честь сразиться с блистательным и более достойным противником»***. В том же томе «Пасторалей» опубликовано и другое сочинение Фонтенеля — «Свободное рассуждение о древних и новых».

* См.: *Alembert J. Oeuvres philosophiques, historiques et littéraires*, vol. 9. Paris, 1805, p. 196.

** Здесь и далее ссылки на произведения, публикуемые в данном сборнике, даются в скобках, с указанием страницы.

*** *Fontenelle B. Oeuvres*, vol. 5. Paris, 1790, p. 37.

Буало не сразу вступил в полемику. Вначале он ограничился серией эпиграмм, надеясь таким образом сразить противника. Но эпиграммы успеха не имели. И только в девяностые годы, после выхода в свет третьего тома «Параллели...» Перро, он написал «Рассуждение об оде» и «Критические размышления о некоторых местах из сочинений ритора Лонгина», в которых попытался возразить своему оппоненту по существу. Но, как ни странно, точка зрения Буало полнее всего оказалась выраженной в письме к Перро, написанном уже после того, как между ними произошло примирение.

Буало, хотя и был задет поэмой Перро, очевидно, не придал ей серьезного значения. Критика античности не была для него такой уж новостью. У Шарля Перро были предшественники. Самые значительные из них — Демаре де Сен Сорлен (1595—1676) и брат Шарля Перро — Пьер.

Близкий вначале либертенам, Демаре позднее обратился к религии и стал ревностным католиком: он ополчался против янсенистов и призывал короля бросить сорокатысячную армию на истребление еретиков. Религиозное рвение Демаре отразилось и в его художественном творчестве и в теоретических трактатах, которые он предпосыпал своей «христианской эпопеи» — «Хлодвиг». Он настаивал на том, что «чудесное», являющееся непременным атрибутом эпопеи, должно основываться не на языческой религии, а на христианской. Полемизируя с Демаре, Буало утверждал, что поэзия держится на вымысле и потому использование христианских сюжетов было бы кощунственно:

«Им, видно, невдомек, что таинства Христовы
Чуждаются прикрас и вымысла пустого» *

Демаре в этих доводах видел только хитрую уловку. Буало не лукавил, но отвергал христианские сюжеты не только по этой причине. Идеи Демаре таили в себе целую систему взглядов для него непримлемых. Демаре доказывал превосходство французского языка над латынью («... мы говорим на языке более благородном и прекрасном, чем эта жалкая латынь, выкопанная из могилы») и отечественной литературы над греческой и римской, критиковал Вергилия, Овидия, Катулла, Тибула, Горация, но особенно — Гомера: «Его сравнения низменны и неуместны, он выдумывает немыслимые нелепости», его боги возмутительны: «Юпитер бьет свою супругу, ест, пьет, спит, чтобы поддержать вечную жизнь, и страдает бессонницей, когда его одолевают заботы. (...) Если бы составили список всех непристойностей, смехотворных речей и действий, которые мы находим у Гомера и Вергилия, то все увидели бы, насколько пристрастно отношение к древ-

* Буало. Поэтическое искусство. М., 1957, с. 85.

ним и как далеки от совершенства те, кому положено не иметь никаких недостатков»*.

В глазах Демаре современность – это «осень мира, с ее богатствами и плодами, собранными со всех прошедших веков», а античность – его весна. Сравнивать весну мира с нашей осенью, говорит Демаре, все равно что сравнивать первые постройки людей с роскошными дворцами наших королей. В современной литературе он больше всего ценит прециозную поэзию и прециозный роман: «О превосходстве современной литературы говорят наши романы... их никогда не наскучит читать и перечитывать»**. Незадолго до смерти, в 1675 году, Демаре написал четверостишие, обращенное к Ш. Перро:

«Во имя Франции, Перро, восстань со мною
На бой с мятежною писателей толпою,
Что песням родины, пятная нашу честь,
Дерзают вымыслы латинян предпочесть».

Пер. Н. Наумова.

Пройдет более десяти лет, прежде чем Перро выполнит этот завет Демаре. Но в том же 1675 году его брат Пьер выступил с критикой трагедии Еврипида «Альцеста», противопоставив ей написанный на тот же сюжет литературный текст Филиппа Кино для оперы Люлли – как воплощение изящества, изысканности и вкуса.

На защиту Еврипида встал Расин. Упреки критика, утверждал он, необоснованы; они – результат неправильного понимания трагедии: «Я советую господам критикам с меньшей легкостью осуждать произведения древних авторов: такой человек, как Еврипид, право, заслуживает, чтобы его хотя бы изучили, прежде чем предавать проклятию. Не мешало бы вспомнить мудрые слова Квинтилиана: «Следует быть чрезвычайно осмотрительным и сдержаным в оценке произведений великих людей из боязни, как бы нам не случилось, что нередко бывает, осудить то, чего мы просто не поняли; а если уж доведется впасть в какую-то крайность, то меньший грех – восхищаться в их писаниях всем подряд, чем хулить в них многое»***.

Но для Пьера Перро все эти доводы мало что значили. Свое отношение к античности он выразил в предисловии к переводу «Похищенного ведра» Тассони (1678). П. Перро признает, что слава древних заслуженна: «Они были первыми хорошими писателями, и в этом их бесспорное преимущество перед нами. Но из этого вовсе не следует, что их произведения выше современных и ничто не может сравниться с ними. Утверждать, что мы неспособны творить так же, как они,

* Цит. по кн.: *Rigault H. Histoire de la querelle des anciens et des modernes*. Paris, 1856, p. 110.

** *Rigault H. Op. cit.*, p. 111.

*** *Rasin Ж. Трагедии*. Л., 1977, с. 185.

и еще лучше, что любая критика их произведений — непозволительная дерзость, как сегодня полагают еще многие, — значит быть несправедливым и подвергать тирании все высокие умы, которые писали и продолжают писать в наше время. Сколько у нас эпических поэм, которые во всех отношениях стоят большего, чем поэмы Гомера и Вергилия! Сколько пьес, которые в трактовке трагического и комического пре-восходят произведения Софокла, Еврипида, Сенеки, Плавта, Теренция! Сколько у нас стихов более нежных, более учтивых, более остроумных и приятных, чем у Горация! Хотя древние — наши предшественники, если угодно, наставники, у которых мы кое-чему научились и которые оставили нам свои исторические предания и мифы, нет ничего невозможного в том, что мы можем их превзойти, ибо совсем не новость, что ученики оказываются порой искуснее своих учителей» *

Ко всей этой критике античности Буало отнесся спокойно. Он чувствовал под ногами твердую почву — то была пора высшего расцвета французского классицизма.

Подобное отношение к древним было присуще всему прециозному направлению, которое Буало казалось тогда явлением уже изжитым. Именно оно определило ту трансформацию, которую претерпевали античные герои в романах Сюдери, Гомбервиля, Кальпренеда и у того же Демаре. «Эти авторы, — писал Буало, — превращают наиболее значительных героев древности в весьма пустых и легкомысленных пастухов, порой даже в буржуа, еще более пустых и легкомысленных, чем пастухи» **. В диалоге «Герои из романов», написанном Буало еще в середине шестидесятых годов, перед Плутоном проходят различные персонажи прециозных романов. Герои древности предстают как галантные кавалеры и дамы, изъясняющиеся языком, выработанным в салоне Рамбуйе. Даже суровый римлянин Брут «обладает от природы нежным и страстным сердцем, пишет прелестные стихи и галантнейшие любовные послания» ***. Причину этой странной метаморфозы открывает Плутону Меркурий: «Это не герои, а толпа бездельников, вернее, призрачных созданий фантазии, которые, будучи пошлыми копиями ныне живущих людей, имеют наглость выдавать себя за величайших героев древности. Неужели вы не видите, что между ними и настоящими героями нет ничего общего» ****.

Известная модернизация античности была, несомненно, свойственна и творениям «божественного» Расина, которые так высокоставил Буало. Но главный вопрос заключался в том, где и в чем видеть нор-

* Цит. по кн.: Magne R. Crise de la littérature française sous Louis XIV Humanisme et nationalisme. Lille—Paris, 1976, p. 821.

** Boileau N. Oeuvres complètes. Paris, 1860, p. 174.

*** Буало. Поэтическое искусство, с. 145.

**** Там же, с. 170.

му. Расин не столько модернизировал античных персонажей, сколько идеализировал современного человека в духе античного героя. Недаром его идеальная героиня Андромаха так близка своему античному прототипу. Чувствовали ли это современники — сказать трудно. Привал «Федры», его величайшей трагедии, в этом смысле знаменателен. Но в ту пору Буало еще мог презрительно третировать врагов поэта — «обширную толпу легкомысленных умов», «почитателей посредственности пресной». Все обстояло иначе теперь: что из того, что его ласкал двор, — все равно из-под ног уходила почва. Классицизм утрачивал свою творческую силу. Мольер скончался, после привала «Федры» Расин замолчал. Внимание публики привлекали драматурги, которые могли бы интересовать Буало лишь как объекты для сатирических выпадов, но вот уже десять лет, как сам он ничего не писал. Изменились вкусы. Как и в первую половину века, тон стали задавать салоны, в которых возродился прежний дух. Прециозные поэты и прециозные романы снова пользуются успехом у публики, а поклонников и знатоков античности становится все меньше. В «Послании к Юэ» Лафонтен с грустью писал:

«В своих восторгах я печально одинок.
Не слушают меня; я воплю в пустыне...» (326).

Это ощущал и Буало. Гнев его вызвала не столько поэма Перро, сколько поведение Академии, которая благосклонно внимала этому «дерзкому невежде». А ведь именно она должна быть оплотом хорошего вкуса. Он писал Мокруа: «С каким удовольствием я поделился бы с вами огорчениями, которые постоянно доставляет мне дурной вкус большинства наших академиков, людей, которых можно было бы сравнить с гуранами и топинамбу, что, как вы хорошо знаете, я уже сделал в одной из эпиграмм»*. А позднее напишет Броссету: «Я счастлив, что в вашем городе создается Академия. Ей не будет стоить большого труда превзойти Академию в Париже, состоящую, за исключением двух-трех членов, из людей очень заурядных, которые великими являются лишь в собственном воображении. Достаточно сказать, что там поддакивают выпадам против Гомера и Вергилия, и в особенности против здравого смысла, который еще древнее, чем Гомер и Вергилий»**.

Но не только Академия — все общественное мнение на стороне Перро. Его поддерживают светские люди и церковники (одновременно с «Параллелью...» он пишет в духе Демаре религиозную поэму «Адам, или Створение мира»), вольнодумцы, оппозиционно настроенные по от-

* Boileau N. Oeuvres complètes, p. 305.

** Ibid., p. 247.

ношению к существующему порядку, и официальные круги, видящие в Перро патриота, защищающего честь отечественной литературы века Короля-Солнца. Буало и его друзья оказались в изоляции.

2

«Новые» опирались на философию Декарта и считали себя его прямыми продолжателями. Перро писал: «Философия Аристотеля властвовала с такой силой, что никому не позволялось выступать против мнений и выводов этого философа. Сам разум был бессилен перед ним и вынужден был молчать, когда говорил Аристотель. Тем не менее Декарт выдвинул совершенно новые принципы и пошел в физике путями прямо противоположными, и у него достало сил заставить три четверти мира предпочесть их принципам Аристотеля, которые до тех пор считались единственными»*.

Свобода суждения, считает Перро, главная особенность и гордость нашего века. Благодаря ей высокого развития достигли науки. В былые времена вместо природы изучали сочинения древних авторов. Теперь «тщеславное желание выглядеть ученым с помощью цитат уступило место разумному стремлению быть им на самом деле, посвятить себя непосредственному познанию творений природы» (90). Так как же не придерживаться этой свободы суждения в вопросах вкуса! А между тем вокруг древних создан своего рода религиозный культ и всякая критика их творений считается непростительной дерзостью. Культ этот поддерживают эрудиты, переводчики и комментаторы античных авторов, не способные ни к творчеству, ни к самостоятельному критическому суждению: «Их главное, если не единственное богатство, — это цитаты из древних авторов, и они, естественно, не могут спокойно взирать на то, что кто-то хочет их сокровище обесценить»**.

С критикой античности неразрывно связана выдвинутая «новыми» идея прогресса. «Надо признать, — писал Огюст Конт, — что идея прогресса как нечто необходимое и определенное начала приобретать философское содержание и действительно привлекла к себе общественное внимание только после знаменитого «Спора между древними и новыми», которым с таким блеском открылся новый век. Этот спор, значение которого до сих пор не было достаточно оценено, является собой, в моих глазах, настоящее событие, подготовленное всеобщей историей человеческого разума, впервые осмелившегося заявить, что он существенно продвинулся вперед»***.

* Perrault Ch. *Les hommes illustres qui ont paru en France pendant ce siècle*. La Haye, 1698, p. 163.

** Perrault Ch. *Parallèle des anciens et modernes*, vol. 2, Paris, 1690, Préface.

*** Comte A. *Cours de philosophie positive*, vol. 4, p. 1. Paris, 1839, p. 234—235.